

Литературная Страница

Юрий Петров.

ИЗ ЦИКЛА „ДОРОГИЕ ИМЕНА“

ЗИНКА—ДОЧЬ БЕРЕНДЕЯ

Надо ж было выбраться с рассветом
Мне в хвойный Карагайский бор
По дороге пыльной и прогретой
Бесконвойным солнышком в упор.
На попутном трепаном «газоне»
«Шеф» меня подбросил в Урляды,
И остался я в сосновом звоне
У озерной ледяной воды.
Подошла. Сплетеною корзинкой,
Земляники полной до краев...
— Звать скажи, красавица, как?

— Зинкой...
— Зинка, а не счастье ль ты мое?
— Нет, пожалуй, — а сама краснеет, —
И с чего ты выдумал, чудак?
Я царю лесному Берендею
Младшей дочкой довожусь.
Вот так!
— Берендею? Это что за сказки?
На Урале разве есть цари?
— Еще как! Но прячутся с опаской
С наступлением утренней зари...

Взгляд метнула. Улыбнулась даже.
Протянула спелых ягод горсть.
Не стерпел я:
— Кличь скорее стражу —
Пусть я буду пленник или гость
В этой вашей царской глухомани...
Покачала строго головой:
В темной и болотистой елани
Нелегко прожить, любимый мой.
И ушла. А я, как потемнеет,
Все спешу, спешу в хвойный бор —
Все ишу там царство Берендея.
Не нашел и — холост до сих пор.

Над Россией туман.
Над Россией гроза.
Дождь проходит
Косой и длинный.

Ах, зачем у тебя
Такие глаза,
И зачем
Зовут тебя Инной?
Парк по имени
«Зеленстрой».
Ветки плещут
По мокрым лицам.
Не спешу.
Погоди.
Постой.
Перестань
На минутку злиться.
Мама строгая подождет.
Мамы ждать,
Поверь мне, умеют.
Под холодным косым дождем

Разве нам вдвоем не теплее?
Дождь закончится скоро.
Дождь —
Он чуть-чутьочку
Даже умный,
И тогда ты пойдешь.
Ты придешь
В институт свой —
Большой и шумный.
Сдашь профессору сопромат —
Так, что сам старик
Удивится...
А сейчас —
Воротись назад,
Перестань на секунду
Злиться.

Р. Дышаленкова.

ОТДОХНИ ДО ВЕСНЫ, ЗЕМЛЯ

Над проспектами
прозвенят,
Раскидают в скверах
игрушки
Снегом ласковым
не насытит
Засыпающая земля.
Пусть он сыплется,
больше сыплется
На продрогшие тополя.
Пусть метели, как тройки
русские,

Серебристые для ребят.
Пролетят, утихнут
сугробами,
Молчаливыми на полях,
Словно шепчут сугробы
добрые:
Отдохни до весны, земля.

МИНУС 30
Фотоэтиюд Н. Нестеренко.

ХОЧУ БЫТЬ КЛОУНОМ

РАССКАЗ

Мама сказала, что на елке я буду космонавтом, потому что у нее есть для этого костюма остатки материи. Но я страшно хотел быть клоуном! Я занимался в акробатической секции, умел жонглировать, ходить по канату и стоять на голове. Мама очень расстроилась, что я не хочу быть космонавтом. Она сказала:
— У всех дети как дети. Один ты какой-то ненормальный ребенок. — И пожаловалась папе.
Папа снял очки и отложил «Магнитку», где читал «Из зала суда». Он адвокат и любит находить в газете свою фамилию. Он сказал:
— Ты не хочешь быть космонавтом? Действительно, удивительно. Все дети только об этом и мечтают. Даже я...
Папа был высокий и худой. Ракета для папы должна быть длинной, как телевизионная вышка. Пока я размышлял, взлетит такая ракета или нет, папа снова утонул в газете.
У нас в классе учился Олежка Скворцов. Вот он страшно хотел быть космонавтом. Но космонавтом он бы не стал, потому что родители боялись отпустить его даже на левый берег, не то, что в космическое пространство! Так что он напрасно старался, подговаривая родителей сделать ему

космический скафандр. Олежкина мама долго беседовала «по душам» с какой-то Аиной Сергеевной из ателье, и через 3 дня принесла Олежке сшитый из разноцветных лоскутков клоунский костюм. Я чуть не лопнул от зависти, когда его увидел: это был как раз такой костюм, о котором я мечтал! Олежка сказал, что он не такой дурак, чтобы его надевать, когда он хочет быть космонавтом и дал мне примерить костюм. Когда я увидел себя в трюмо, мне показалось, что я не Валерик Савельев, а чуть ли не Олег Попов! Олежка сказал:
— Давай махнемся? Ты мне космонавта, а я тебе клоуна. По рукам?
У Олежки был ужасный жаргон. Сейчас я этого не замечал. Сейчас я вообще ничего не видел, кроме себя в великолепном наряде клоуна.
Ночью мне приснилось, что я хожу по проволоке где-то высоко над елкой, и все следят за мной, как в цирке за воздушными гимнастами. А Олежке приснилось, будто он сидит в ракете, которая вот-вот должна взлететь. На сле-

дующий день мы обменялись костюмами. Маме с папой я ничего не сказал. Конечно, это было нехорошо, но костюм клоуна был такой красивый! И кроме того, я умел жонглировать, а в космическом скафандре жонглировать или стоять на голове неудобно.
И вот наступил праздник. Мои мама и папа влюбленными глазами следили за космонавтом, лицо которого скрывала маска. Они думали, что это я. Но разве стал бы я делать так, как Олежка, который лез вперед, чтобы все на него смотрели! Кто-то из ребят стукнул его по шлему, чтоб не задавался, шлем соскочил со лба и тут мои родители увидели, что космонавт — вовсе не я. Они очень удивились, а Мария Филипповна, наша учительница, засмеялась и громко сказала:
— Ребята, попросим Валерику Савельева показать нам несколько цирковых номеров! — Все захолопало, а я онемел: свои небожничьи тарелки я забыл дома! И вдруг увидел, как сквозь толпу ребят протискивается папа с пластмассовыми тарелками в руке! Это было здорово! Я ходил вокруг елки и жонглировал, и кувиркался, и стоял на голове! И все мне хлопали, даже мама, которая не хотела, чтобы я был клоуном.
Г. УСТИНОВА.

КОГДА МЫ СТАЛИ старшеклассниками, классные вечера у нас были не редкостью. Мы собирались на праздник или в орденом, классе, или у кого-нибудь дома, собирались просто поговорить, посидеть. Подготавливали несколько номеров для небольшого концерта. Баянистом у нас был Рафаил Минибаев, мой друг. Играли на баяне в классе и некоторые другие ребята, но Рафаил был вне конкуренции.

Мы росли вместе, поэтому я хорошо помню, как он стал музыкантом.

Семья Минибаевых большая: четверо дочерей и два сына. Старший, Юра, очевидно, для того, чтобы не отстать от тогдашней моды, купил гармонь. С этой хромки и началось. Я помню, как Рафаил, морща лоб и ужасно перебирая мелодии, подбирал на этой гармонии то, что играл брат. Так, простые мелодии постепенно вводили его в мир прекрасного, возвышенного. Ни увлечение шах-

что-то родное, близкое для своего сердца.

Я с удивлением слушал, а Рафаил рассказывал о Шопене как о человеке, о его жизненном пути, о его переживаниях, о его тоске по родине. Он почувствовал в Шопене своего друга, который делится и с ним своей бедой. Поэтому так откровенно звучало у Рафаила все шопеновское, как будто он сам добавлял свое в это откровение.

Была у Рафаила мечта поступить в музыкальное училище. Это была даже не мечта, а цель, к которой он стремился, которой он жил. Он начинает готовиться, все свободные минуты он работает над совершенствованием мастерства.

Помню, каким радостным вернулся он из Магнитогорска после сдачи вступительных экзаменов в музыкальное училище. Он был наполнен каким-то внутренним сиянием, впервые он был по-настоящему счастлив.

Рождение музыканта

ОЧЕРК

матами и коньками, ничто другое не могло помешать ему все крепче любить музыку. А шахматы и коньки помогали ему, у него вырабатывались усидчивость, сила воли, непреодолимое желание бороться и побеждать, идти только вперед.

Бывало, собирались все ребята нашего класса и прослушивали новые произведения, которые разучивал Рафаил. Слушали и вписывались глазами в быстро бегающие пальцы, потом важно высказывали свои суждения.

«Без души играешь», — обвиняли мы его. «Ты должен прочувствовать всю красоту этого произведения, все представить себе до мелочей и передать это на баяне так, как чувствуешь», — поучали мы его хором.

Рафаил обычно не спорил с нами, если мы его хвалили — он омушенно потирал себе нос, если ругали — набычивал голову, видимо, выбирая самое ценное из наших советов. Но советы наши были очень и очень скупыми, помощи от них было мало. Ведь никто из нас всерьез не увлекался музыкой. А Рафаил вновь с остревением принимался за новые сложные музыкальные вещи.

Трудностей, вставших на пути к любимому занятию, к своему призванию, у Рафаила было много. Почти вся мужская работа по дому лежала на плечах моего друга. Учеба в старших классах, семейные неурядицы — все это, по-моему, могло сломить каждого. Но только не Рафаила. Он все сильнее влюблялся в музыку, все новые и новые оттенки находил он в богатой палитре звуков.

Торжественно и в то же время как-то таинственно проходило у него знакомство с гениальными музыкантами. Чайковский, Бетховен, Бах, Глинка, Мусоргский показывали ему всю широту и величие жизни, учили его побеждать все трудности. Именно эти гении стали его постоянными учителями, они учили его любить и ненавидеть, они учили его ценить дружбу, главное, они научили его по-настоящему любить музыку...

Как-то так получилось, что Рафаилу больше по душе пришелся Шопен. Я помню, как он разучил первое произведение Шопена и нашел ту самую «душу» быстрее обычного, и сыграл «с чувством», я бы сказал, с упоением. И вот новая сторона жизни, новые звуки, что-то неповторимое встало перед влюбленным в жизнь молодым музыкантом. Он находил

Мне не раз приходилось поздравлять его с победой на ледяной дорожке. Тогда он радовался вместе со всеми, это были победы, поделенные на всех. Только может у Рафаила чуть ярче искрились глаза от сознания, что не зря на него надеялись, что он может побеждать.

А эта победа была совсем другой. Он был счастлив.

Когда я захожу в музыкальное училище имени Глинки, я часто застаю Рафаила или за фортепьяно, разучивающим какой-нибудь этюд или пьесу, или играющим на баяне, или на занятиях народного оркестра, играющего на домре.

«Вот послушай новую вещь», — говорит он мне. И начинает играть, как перед экзаменатором. Я слушаю волнующую музыку, смотрю на его быстро бегающие пальцы и внутренним голосом спрашиваю его: «Где ты сейчас?». Наверное, там, где рождалась эта музыка, где она звучала впервые.

Последние аккорды. Молчим. «Хорошо! — говорю я и больше не нахожу слов. — А теперь сыграй «Дороги», — прошу я его. Он немного смущается, ведь «Дороги» он сочинил сам, но начинает играть понравившуюся мне мелодию.

И вот мчит нас поезд в неизмеримое далеко. Постукивают колеса, проносятся назад мосты, реки, леса. Музыка полна лиричности, любви к людям, к жизни. Дорога эта, должно быть, очень светлая, счастливая и ведет она к заветной цели. И вместе с тем музыка эта с легким налетом грусти. Человек рвется в путь, к большим делам и свершениям, хочет сделать много хорошего, но что-то удерживает его. В конце слышится уверенность, что все же будет эта любимая дорога, настанет время, и в светлый радостный праздник выльются жизнь и труд.

Замолкает баян, а в ушах все еще знакомые с детства звуки, перед глазами картина родного, близкого.

Чем ты силен, Рафаил? Тем, что в твоих руках песня лучший друг и помощник человека? Тем, что стремишься всей душой к людям, стремишься сделать им хорошее? А, может быть, тем, что ты теперь настоящий музыкант?

Ты прости меня, друг, за то, что я так откровенно рассказал о тебе все. Я рассказывал это людям, к которым ты идешь. Иди смелее, они примут тебя.

М. КОТЛУХУЖИН.